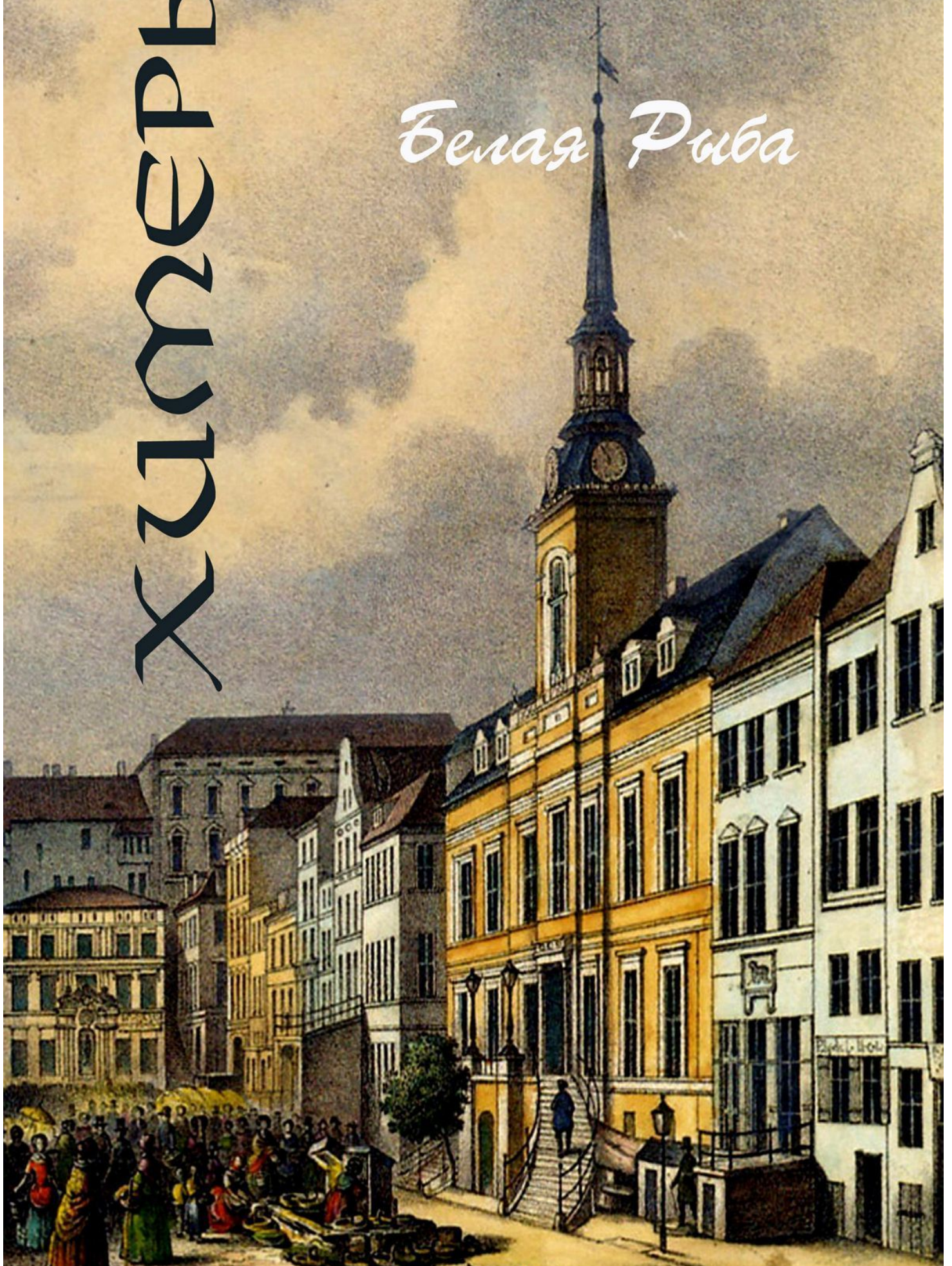


# ХИЩЕРЫ

*Вадим Храппа*

*Белая Руба*



Химеры

Вадим Храппа

**Белая рыба**

«Автор»

## **Храппа В. В.**

Белая рыба / В. В. Храппа — «Автор», — (Химеры)

Невероятная смесь детектива, мистики и депрессивной антиутопии, основанной на реальных событиях с реальными людьми в качестве персонажей этого странного представления — в трилогии «Химеры». Вторая часть: «Белая рыба» - сплошная депрессия с элементами фантастики.

© Храппа В. В.

© Автор

## Вадим Храппа

### Белая рыба

В том году в моду вошёл искусственный иней. Кто-то где-то изобрёл это свинство, и оно заполонило мир. Поначалу тонкими хрупкими на вид иголочками украшали только дома к Рождеству. Потом разноцветный иней появился в оформлении магазинов, на рекламных плакатах, на крышах автомобилей и даже на одежде. Искрящимися розовыми и голубыми ветками были обрамлены вокзальные туалеты и окна ратуши. Вдобавок ко всему, эта зараза по ночам излучала слабое мерцание, а при соответствующей подсветке пылала яркими красками. Барышни в барах и на дискотеках походили на взбесившиеся раскрашенные ёлки. На Кнайпхофе – «острове художников», как любят его величать в газетах, увлечение инеем быстро угасло, но в остальных районах города сюрреалистическая зима ещё бушевала, и каждый переход по мосту на другой берег Прегеля доставлял Баттуре прямо-таки физические страдания. Но въезд на остров автомобильному транспорту был запрещён даже для тех, кто жил на Кнайпхофе и, чтобы добраться до собственной старушки "Омеги", Баттуре приходилось тащиться через Медовый мост к гаражам на Ломзе. Потом, пристроив машину в очередь к Деревянному мосту, он привычно материл идиотов, которые всё так неудобно устроили с выездом через Прегель. Успокаивался, только влившись в автомобильный поток на Московском проспекте.

У оружейного магазина, облепленного зеленым инеем, роились люди. Баттура сначала подумал – демонстрация. Однако это все были желающие вооружиться. Баттура уныло потоптался в толпе, понял, что ему не добраться до прилавка и вернулся к машине. Включил радио. Было двенадцать часов. Все радиостанции передавали новости, которые в основном вертелись вокруг событий в Пиллау. Российский флот всё ещё стоял на рейде; доблестная береговая охрана Пруссии закрывала собой родные берега; а Евросоюз продолжал грозить Кремлю санкциями, а не кораблями. "Радио Ульмигания" хрипловатым женским голосом заявило, что триста пятьдесят польских легионеров готовы в течение часа вылететь из Гдыни в Кёнигсберг, и наше посольство в Вильнюсе завалено заявлениями от литовских снайперов...

– А этим, какого рожна здесь надо?! – удивился Баттура и выключил радиоприёмник. В последние дни музыка из него была слышна всё реже.

Баттура хотел купить ружьё. Через друзей уголовников он мог достать пистолет, и наверняка это ему обошлось бы дешевле, но хотелось легально, зарегистрировано во всех инстанциях, на законных основаниях, иметь ружьё. Как-то он случайно увидел в магазине игрушку – чёрную, восьмизарядную, с угрожающе толстым стволом двенадцатого калибра. С тех пор желание иметь такую штуковину не давало покоя. Правда, раньше это сделать было сложнее, чем получить права на вождение автомобиля. Для ленивого Баттуры это значило – невозможно. Гладкоствольное оружие стали продавать всем желающим только после того, как Россия попыталась устроить мятеж в Пиллау. И Баттура вспомнил о своей мечте.

Он проехал по Литовскому валу до форта Врангель и оттуда, через Северный вокзал – до Хуфен аллеи, пытаясь решить для себя: по какому же принципу меняли названия на карте города? Ратушную площадь они оставили Площадью Победы, а проспекту Мира вернули имя Хуфен. И Московский проспект тоже оставили, несмотря на антироссийскую пропаганду, принявшую нелепые формы. Людей, которые этим занимались, Баттура хорошо знал и уже спрашивал у них: почему, мол, всё так, а не иначе? Люди эти, а кое-кто из них был приятелем Баттуре, пытались объяснить, а он всё равно не понимал – при чём тут старики с красными флагами? Ведь коммунистов запретили? Тогда какое вам дело до их "ветеранов"? Баттура не понимал. А эти ребята – приятели, пригласившие его сначала в Комиссию по топонимике, потихоньку оттёрли Баттуру в сторону. Он не обиделся. Баттура, давно знал за собой этот недостаток – топорщиться, быть неудобным в общении и любом деле, которое люди пробуют

осилить сообщца. Он всегда был сам по себе и сам за себя. Так что ребята из Комиссии остались ему друзьями. А Баттура по-прежнему не понимал, чем они занимаются?

Первый этаж здания, где Баттура рассчитывал найти охотничий магазин, занимало представительство польской строительной фирмы. Переговоры с паном, маячившим у входа, ничего не дали. Тот работал здесь недавно и о магазине не слышал.

– Ну да, – сказал Баттура. – Сейчас ты мне ещё скажешь, что не надо было уезжать так далеко и надолго.

– Цо? – спросил пан. – Не розумю...

Баттура пошёл к машине, а поляк вслед посоветовал обратиться к "пану полициянту".

Им оказался молоденький будочник с розовым лицом и зеркально начищенными ботинками. Он стоял в своей полосатой коробке, крепко упершись в землю расставленными ногами, и хмурил брови, чтобы казаться солиднее.

– Тут раньше был охотничий магазин... – сказал ему Баттура. – Хотя вряд ли Вы знаете об этом.

Будочник знал и подробно объяснил, где теперь найти магазин, напомнив, что названия улиц поменялись.

– А это входит в Ваши обязанности: знать, где что находится? – спросил Баттура.

– Конечно.

– А что ещё?

– Не болтать попусту с прохожими.

– Молодец. Стойкий оловянный солдатик. Из тебя выйдет полицейский генерал.

– Я постараюсь, – сказал будочник.

Белая эмалированная бляха с чёрным орлом блистала на его груди, как щит крестоносца – гордо и независимо.

В этом магазине была совсем небольшая очередь.

– Мы только недавно здесь открылись, и ещё мало кто об этом знает, – объяснила продавщица, беря у Батуры паспорт.

Что-то в нём не понравилось ей.

– Вы что, приезжий? – спросила она.

– Да, – сказал Баттура. – Из республики Чад. Как Вы догадались?

По лицу продавщицы трудно было понять, оценила ли она шутку? Во всяком случае, не сводя с Батуры подозрительного глаза, вторым она вперилась в экран компьютера, и чего-то там выщёлкивала.

Видно, компьютер разочаровал девушку, не найдя за Батурой ничего предосудительного, потому что она с отвращением отвернулась в сторону от монитора, и привела глаза в естественное состояние, изображая внимание к покупателю.

– Какая модель Вас интересует?

Батуре очень хотелось похамить. Он умел доводить продавщиц до истерики, но сейчас его больше занимало ружьё. Оно было восхитительным, несмотря на то, что лежало, утопая в инее.

И он получил его.

"Так... А пострелять?" – подумал Баттура, выйдя из магазина.

Под сиденье ружьё не влезало, а по-другому выпиралось на обозрение любому прохожему. Пришлось сунуть его в багажник.

Усевшись за руль, Баттура задумался. Собственно, в голове вертелась только одна мысль: "Где бы пострелять?" Её он и переваривал. Потом взял телефон и набрал номер Медвецкого. Трубку взяла Светлана.

– Иван дома? – спросил ее Баттура.

– Он – в трактире. Хочешь, позвони, туда.

- Я тут решил проведать вас. Возражений нет?
- Если б я возразила, ты не приехал бы?
- Может, и нет. Я что-то оробел в последние годы.
- Приезжай, приезжай. Медвецкий будет рад.
- А ты?
- Ну, и я немножко. Ты водку не покупай. Тут её и так хватает.
- Всё, еду.
- Давай. Я сейчас позвоню Ивану, скажу, что все его планы на сегодня отменяются.

Поздний ноябрь был тихим и тёплым. Двигаясь по шоссе на северо-запад полуострова, Баттура – уже в который раз! – поражался тому, как с каждым километром время катилось назад, к началу осени. Ближе к Гермау леса ещё стояли полными жёлтой листвы, сквозь которую зеленели заросли ольхи и граба. Зелёными оставались и некоторые дубы у дороги.

В Гермау Баттуру удивил магазин на автостоянке перед восстановленной замковой кирхой. На товарах было две цены – в евро, рублях и прусских марках. Во времена, когда это практиковалось повсеместно, Баттура ещё был в Германии и потому сейчас с тупым изумлением разглядывал, залепленные ценниками, шоколадки и сигаретные пачки. Потом сообразил, что магазин стоит у туристической достопримечательности и значит, кому-то так удобно. Скорее всего – хозяину лавки, который на разнице курсов может выдать себе лишний процент. В правильности догадки Баттура убедился тут же, когда стал расплачиваться. Цены оказались выше кёнигсбергских.

Кое-где в полях, обнажая черноту почвы, ещё ползали тракторы, путаясь в белых облаках чаек. Вдоль ручьёв и оврагов сквозь зыбкое марево тумана оранжевым светилась облепиха. Одиноко стоящие сосны сизо-зеленой хвоей на причудливо искривленных ветках, напоминали японские гравюры.

Баттура пожалел, что давно не выезжал на полуостров. Он видел и более красивые места, но ни одно не тянуло его так к себе, как Самбия.

Здесь пахло древностью.

Духи витингов танцевали пляску воинов над капищами. Камень у дороги на Шоневик, казалось, лежал с того момента, когда его туда отбросило копытом сверяписа самбийского князя. Заговорённые некогда жрецами, дюны так и остались стоять вздыбленными в незаконченном движении.

Ворота у Медвецких были открыты. Баттура въехал во двор, но из машины выйти не решился – из-за дома выбежали два ротвейлера.

Он посидел немного за рулём, посигналил. Собаки подошли ближе и встали у дверей с обеих сторон, с интересом заглядывая внутрь машины.

Баттура посидел так минут семь. За это время один из псов, невзирая на завывание двигателя, который должен был отогнать его, обмочил переднее колесо. Вторая собака, прислонившись к машине, чесалась. Да так, что дрожал весь кузов. Баттура уехал бы, но приоткрытая дверь дома покачивалась от лёгкого ветра, а в окне гостиной виднелся экран работающего телевизора.

А потом из длинного, как замковое сооружение, сарая, вышел страус. Он, что-то пожевывая, посмотрел по сторонам, тряхнул, растопырившиеся перья и вальяжно прошествовал в сторону сада. Страус тяжело шлёпал по жухлой траве динозавриными лапищами.

Баттура был настолько ошарашен происходящим, что не заметил, как сзади, от ворот, подъехал белый "Мерседес"–караван. Из него выскочил Иван Медвецкий и побежал за страусом. Собаки, хрипло лая – следом.

Баттура, дождавшись, когда вся команда углубилась в сад, вышел из машины и затрусил в дом.

Телевизор громко пел по-шведски, а Светлана сидела на корточках возле электроплиты в кухне и копалась длинной вилкой в чреве духовки.

– Сейчас ты скажешь, что не слышала, как я сигналил, – сказал Баттура.

– Слышала.

– Что же не вышла? Меня чуть ваши псы не сожрали.

– Они воспитанные, ничего с тобой не сделали бы. А вот та тварь, что в сарае сидела...

Он бы нам обоим уши поотщипывал.

– Страус, что ли?

Светлана распрямилась, бросила вилку на стол и повернулась к Баттуре.

– Страус... Чёрт бы побрал эту тварь! Запугал всю округу.

– Медвецкий побежал за ним.

– Вот только Ивана он и боится.

В телевизоре без всякой паузы одна шведская песня сменила другую.

– Весело вы тут живёте, – сказал Баттура.

– Да уж... Иван хочет ещё верблюдов завести.

– Зачем?

– Вот он идёт. У него и спроси, – сказала Светлана и вышла.

– Привет, – сказал Медвецкий. – Ты уже здесь? А я смотрю – в машине тебя нет. Думаю: куда делся? Я же помню, что ты собак боишься.

– Раз помнишь, то мог и привязать их. Тебе Светлана сказала, что я приеду?

– Сказала. Да я в трактире увяз. О, чёрт! Я же продукты в багажнике забыл! Посиди, я сейчас схожу к машине.

– А твои собаки где?

– Зачем они тебе?

– Вот как раз совсем не нужны. Просто я их боюсь. Мне тоже надо к машине. Я там кое-что детям привёз.

– Не бойся. Мои собаки нормальных людей не трогают.

– А страус?

– Фёдор? Я уже загнал его в вольеру. Сволочь! Куртку мне порвал.

Пока Медвецкий рылся среди сложенных в багажнике "Мерседеса" картонных коробок, Баттура достал ружьё и снял чехол.

Потом прикладом похлопал Ивана по заду.

– Глянь, что у меня есть.

Медвецкий, работая локтями, выпростал верхнюю часть туловища из багажника.

– А-а! – сказал он. – Мне тоже такое предлагали.

Баттура клацнул затвором.

– Правда, прелесть?

– Н-н-ну... не знаю, – сказал Медвецкий. – Оно как-то не кучно стреляет. Дробь раскидывает. Из него только быков бить пулей в упор.

– Это ты – от зависти, – обиделся Баттура.

– Конечно, – сказал Медвецкий, и взял коробку, из которой торчали куриные ноги и горлышки бутылок. – Пошли лучше водку пить. Давно мы с тобой не напивались.

Баттура прихватил пакет с виноградом, что купил для детей Медвецкого, вино – для Светланы, и они пошли в дом.

В телевизоре показывали репортаж с митинга на ратушной площади. Над толпой, среди черно-белых орлов и крестов, кое-где мелькали синие флаги европейского союза. Девица в

камуфляже иступленно выкрикивала с трибуны лозунги, от которых за версту несло нацизмом.

– Они совсем уже свихнулись от этого путча в Пиллау, – сказал Баттура.

– Всё правильно, – сказал Медвецкий. – Нечего было москалям к нам соваться. Получили по печени, и ещё получают, если не успокоятся.

– Причём тут Москва?! Ты послушай, что эта баба орёт. Она же требует, чтобы литовцы отдали ей Мемель.

Телевизор вдруг замолчал. Иван, выкладывавший продукты из коробки, замер.

– Эй! – крикнул. – Кто там телевизор выключил?

– Я, – сказала Светлана, выходя на кухню. – Меня уже тошнит.

– Давай застрелим шарманку, – Баттура показал ружьё. – Смотри, какую я штуку купил.

Света молча прошла к плите.

– Она не любит этого, – тихо сказал Медвецкий.

Тут только Баттура вспомнил, что примерно такой же штукой, брат Светланы проделал в себе дыру с кулак.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.